

Ш 657^{кр}

„СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“. № 3.

Вяч. Шишков.

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ

Цена 30 к.

Издание Культурно-Просветительного Отдела Алтайских Кооперативов.
Барнаул, 1917 г.

392117

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова.

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“. № 3.

Ш 657

Вяч. Шимков.

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ.

Фонд краеведения

392117

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА АЛТАЙСКИХ
КООПЕРАТИВОВ.

г. Барнаул, 1918 г.

Типография Алтайских Кооперативных Союзов, Барнаул, Гоголевская, 62.

№ 627

В. П. ШИШОВ

НАУСКИЕ

В П У Н.

Содержание

Р 11 22 23

Чуйские были.

Ох, как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река.

Сначала степью течет она, высокой, горной Чуйской степью безжизненной: ни лесу здесь нет, ни сочных трав. Зато отсюда ближе небо, ярче звезды, чище, прозрачней воздух.

Вся степь, во времена прежние, до самых горных маковок была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро, схватившись за руки, каменные витязи, Чуйские Альпы, богатыри алтайские, плечо в плечо стояли каменной стеной.

Но не удозорили, не усмотрели: обмануло их озеро, убаюкала их зыбун волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула.

Рокот пошел по Алтаю, земля затряслась, осыпались горы. Широко волна хлещет, опрокидывает камни, скалы рвет, грохочет и стонет, и мчится вдаль бешеным потоком.

Это Чуя, рожденная в снегах, горами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе Алтайских гор.

А озеро обсохло, и дно его превратилось в песчаную Чуйскую степь.

Так старобревняя была говорит.

* * *

На Чуйской степи есть маленький русский поселок Кош-Агач. Такой маленький, что с гор, обнявших степь каменным кольцом, его и не приметить.

Через Кош-Агач Чуйский тракт идет. Узкой тропой соединил он сибирский город Бийск с монгольским—Кобдо.

Весь-бы этот тракт серебром можно вымостить, да золотом, что загребли-захапали русские купцы у алтайцев и монголов.

Весь-бы тракт можно слезами залить, алтайскими да монгольскими, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой, кочевников: такой большой обидой и горем наделил их русский, алчный хищник.

Так говорит про купцов недавняя быль.

Клянет их Алтай, клянет дух Алтая—грозный Курмыш, и будет клясть из рода в род за ту великую неправду, что грязным пятном пала на белое темя Алтая.

* * *

Бурным шумом шумит, шорохом шелковым... Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бежишь, куда по камням вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегодняшние были свои.

I.

Зеркальце.

Зеркальце, как зеркальце. Маленькое, круглое, цена ему—пятак.

Купец их с дюжину привез в степь.

Думает купец:

— Надо калмыкам продать, надо калмыков нагреть. Греха тут нету: калмык не человек, зверь, и душа у него, как у пса, пар. Зверь и зверь.

Едет купец в гости к своему другу, калмыку Аргамаю, которого не раз надувал.

Вечером приехал, к огоньку, Аргамай, в юрте сидит, толстый, сильный. Один у камелька сидит, баранью кость гложет и мурлычет, песню о том, как он завтра на заре будет кочевать к снегам, где такие вкусные и сочные травы—сласть скоту.

— Эзень!—поздоровался купец.

— Эзень, эзень!—откликнулся Аргамай, всматриваясь в пришедшего.

— А-а-а... Эвон кто! Друг!..—радостно вскрикнул и уступил гостю свое место.

У костра засуетился,—огонь ярче вспыхнул,—полбарана положил в котел, чай по калмыцки готовить начал: с молоком, жареным ячменем и солью.

— Баб нету... Один больной, другой в гости укатил, к отцу.

— Нет-ли арачки?

— Бар, бар...—и подал в турсуке самодельную из молока водку.

Сидят, беседуют. Огонек весело горит. Арачка вкусная, теплая, по жилам загуляла, в мозг ударила, дала волю языку.

Калмык смеется и купец смеется, по плечу Аргамай похлопывает, льстивые речи говорит:

— Ни у кого таких хороших коней нет, как у тебя. Самые лучшие быки у тебя. Самые жирные бараны у тебя. Ты богатый. Жена у тебя красивая.

Говорит, арачку пьет, баранину ест.

Аргамаю любо, слушает, смеется и, что бо не остаться в долгу, говорит гостю:

— Ты самый хороший есть... Самый верный... Друг...

Вспомнил купец про зеркальце.

Думает:

— Надо подарить. Убыток небольшой—пятак.

Достал, показывает:

— На-ка, поглядишь.

Смотрит пристально. Приковало его зеркало.

— Это кто?

— Да ты...

— Как я?! Это шайтан!..

— Так, ты...

Молчит, еще пристальней всматривается, недоверчиво на купца смотрит, говорит ему:

— Чего врешь?!.. Нету!.. Шуба-то моя, а рожу сроду не видал, не знаю!..

Купец блаженно улыбается, а калмык от нетерпенья заерзал по войлоку, руки дрожат, крепко уцепились за волшебное стекло.

— Да ты надень шапку-то... Видишь?.. Ты!

Смотрит калмык—его шапка в зеркале, косу смотрит—его коса, с ленточкой, бородавка на носу его,—ущупал...

— Ха-ха-ха!.. Продай!.. Делай милость, продай!

А купец совсем обмяк, радость другу своему доставить хочет, говорит:

— Дая тебе его...

— Делай милость, продай... Сколь хочешь, возьми!..

И вдруг купеческая душа к канаве покатилась!..

— Нелзя...—чуть дрогнув голосом, сказал купец.

— Возьмит быка... Ребятам, бабам казать буду... Ха-ха-ха... Пусть смотрят рожам!..

— Нет, нельзя... — твердо купец сказал и легонько зеркальце к себе тянет.

Аргамай не дает:

— Два быка, три быка!.. хороших!..

Душа купца в канаву ляпнулась, захлюпалась в черной жиже.

— Что ты, я сам дороже заплатил... В Москве добыл... Знаешь, слышал?

Чуть не плачет Аргамай, большой ребенок:

— Возьми четыре быка... Пожалуй ста, возьми, друг!..

Пойдем быков ловить, — жадно сказал купец.

Аргамай смеется плутовато, зеркальце подальше прячет, на купца с опаской смотрит, не продешевил ли тот, не отобрал бы...

Ласково ему говорит тонким своим голосом:

— Ты самый хороший есть... Самый верный...

Друг...

Поздно ночью возвращался к себе в стан пьяный купец. И выписывая в седле опьяневшим туловищем мыслете, весело думал вслух:

— Он на то и калмык, чтоб его учить... На то он и татарская лопатка...

II.

Часы.

Жил-был ласковый торгаш с мышинными глазами. Он был такой хитрый, что любого шайтана мог трижды перехитрить.

Плут.

Приезжает к нему старый киргиз, Юсуп.

Посидел, покалякал, кой-что купил.

А торгаш только-что свежий товар из города, из Руси получили.

— Купи часы... одрват... реарен тэн

Взял киргиз в руки часы, полюбовался ими, языком прищелкнул!

— Живой!!! Стукат тийди одт эмкек бад

— Купи!..

Вздыхнул Юсуп. Надо-бы купить, не себе, а сыну, доброму джигиту. Эх, надо-бы купить.

— Я-бы купил... Денег нет... Вот будут, куплю...

Не любил Юсуп в долги залезать.

Водкой купец угостил его, целый стакан подал:

— Пей...

Магометанская вера строгая: водку запрещает пить. Однако Юсуп с хорошим человеком маленько выпить может, греха таить нечего.

А водка злая, крепкая, рот обожгла, веселым туманом обложила сердце.

Еще стакан подал.

— Пей на здоровье...

Очень ласковый торгаш.

Прощался Юсуп, сел на своего верблюда, поехал.

Степью ехал. Тихо было в степи. Лишь кузнечики неумолчно в траве трещали. Небо бледное, в бледных звездах—белых лебедях. Из-за снеговых хребтов подымалась луна.

Едет старый Юсуп, улыбается, с верблюдом разговор ведет и, пьяненький, начинает напевать:

— Вот месяц смотрит... Алла-Алла... Круглый, зоркий, как глаз великого Аллаха... Светит мне, светит верблюду.

Дальше едет... Тихо в степи... Кто-то навстречу скачет... Свой...

Проскакал джигит. На ходу кричит что-то, но Юсуп не слышит. В небо глядит, месяцу слезящими-

ся глазами подмигивает. Месяц шурится и ярче освещает степь.

Поет Юсуп:

— Месяц, месяц... Золотой мой месяц... Мне хорошо, я богатый... Я старый, как в реке черный камень... Вот куплю часы... Урус часы привез... Я их куплю... Часы, часы... Гей, часы... Живые...

И он громко рассмеялся.

И зароились в его голове серебряные мысли, как те круглые, маленькие, блестящие часы, которые он видел у торгового. Их много, не пять, не десять, много. Он все их купит, все часы купит, он всем раздарит. Старой своей жене, средней жене, своей молодой жене... Сыну, джигиту трое часов повесит, себе целый десяток... Ха-ха... Пусть тикают, пусть вертят стрелками. Это больно хорошо... Он верблюду часы подарит, он быку подарит... Пусть и бык при часах ходит... Хе-хе...

Вдруг слышит: застонала степь. Дробный топот по степи звучит, отчетливый и быстрый. То кони скачут, бьют копытом землю, гудит земля.

— Ага, свои...—думает Юсуп.

Весело Юсупу. Огоньком вино по жилам бродит.

— Остановиться надо. Потолковать надо...

Нагоняют. Купец. С ним люди.

— У меня, друг, часы пропали... Которые ты в руках держал...

Пропали, так пропали... Ха-ха... Эка штука. При чем-же тут Юсуп.

— Я не брал...—говорит он, улыбаясь старым своим бронзовым лицом.—Пусть Аллах меня с коня толкнет, когда я над пропастью поеду... я не брал...

Ласково торгош отвечает:

— Да мы знаем, что не брал. Вот я с понятиями еду, всех обыскиваем... Вас много в лавке было...

— Ищи. Пожалуйста ищи!..

Верблюду посохом по ногам слегка ударил, опустился верблюд на колени. Юсуп слез и с готовностью подошел к купцу, раскарячивая по пьяному ноги. Глаза черные, лучистые, открыто на купца глядят. Лицо добродушное, доверчивое, бороденка хохлом—дрожит.

— Ищи. Пожалуйста ищи!..

Стали обыскивать. Халат расстегнули... И вдруг...

— Ой, Алла, Алла!..—За пазухой часы.

У киргиза глаза широкие, рот открылся; замер весь, задрожал... И, схватившись за голову, закричал упавшим, рвущимся голосом:

— Вой, вой, вой!.. Не брал!..

Торгаш на всю степь взревел:

— Ребята, вяжи!.. В тюрьму его!!

Вмиг месяц колесом по небу завертелся и упал, серебряными нитками осыпались звезды, небо почернело, всколыхнулась под ногами степь.

Бросился Юсуп на колени, скривил свой старый рот и заскулил жалобно. И не знал, и не видел из-за слез, куда ползти, кого молить, где торгаш, ласковый его друг:

— Ой, не надо тюрьма... Ради Бога, не делай... Ради Бога... Чего хочешь, проси...

Взял купец верблюда, велел пригнать на заре трех лучших игреневых жеребцов. И с честью возвратился во-свояси.

III.

Т а в р о.

Купец Неправедный роду крестьянского, в молодости пастухом был, из Монголии гонял хозяину овец.

— Я умный, — хвастался он, — я богатым буду обязательно.

И верно. Разбогател — распыхался вскорости.

Народ говорил про него:

— У этого рука не дрогнет... Он крест сбросил, а совесть — то пяткой притоптал.

И задумал он в Кобдо ехать, там орудовать.

Приехал, лавочку открыл, руки загребушие расставил, хайло свое, рот щучий открыл широко.

Но рыба ловилась все мелкая, — видно чорт дремал — осетры к другим торговцам плыли, и ему стало завидно.

— Это что за дела, — как-то сказал он в Иркутске, в клубе, сидя в компании купцов, — вот кого ежели-б по башке шкворнем съездить, да капиталом завладеть.

Купцы возмущились: — Негодяй!!! — и немедленно спустили его с лестницы.

Но чорт пробудился, в купцову пасть икряного осетра загнал.

* * *

Почти в одно время с купцом Неправедным поселился в Кобдо тихий монгол Райтан, торговый человек. Он старик, ему восьмой десяток идет. У него три сына, два внука. Все вместе торгуют, одним живут домом.

Раптан старик хороший, норовит по правде торговать. Подружился он с Неправедным, в гости ходит, к себе принимает.

Неправедный тихоней прикинулся, ласково обращается с монголом и со всей его семьей. Дружба завязалась тесная.

Говорит как-то Раптан другу:

— У меня душа не на месте. Я из Китая удрал, кредиторам много должен. Как Большой Кулак бушевал в Китае, у меня три магазина разграбили. Я и удрал сюда. Вот расторговался.

Год за годом протекали, десять лет прошло. В дугу согнуло время старого монгола, плохо видеть стал, плохо слышать стал, и день, и ночь Богу молится, готовит себя к смерти.

А друга своего первого, русского купца Неправедного не забывает: и у него гостит, и к себе часто зовет, угощает его, подарки делает: то коров пригонит, то бегунца саврасого подарит, то пришлет купеческой жене куска два китайской чесучи.

Живет старик спокойно, кредиторы потеряли его след, все пути к нему поросли бурьяном...

И вдруг—напасть... Из Китая беда идет, нищету тащит за собой на веревочке.

Пришел к старому Раптану монгол и говорит:

— Ой, Раптан, берегись. Тебя ищут, тебя завтра схватят, все возьмут: чиновник из Китая едет долг с тебя получать.

Раптан не сразу понял и раз, и другой переспросил монгола. А как понял,—зашатался, на полсел, в глазах песок, в груди льды идут.

Я никому не должен. Я им был должен, трем купцам. Но у меня все разграбил Большой Кулак.

Пусть с бунтарей ищут, пусть с правительства требуют. Я не должен.

И мрачный, опираясь на костыль, побрел к своему другу.

Пришел и тихим, старческим голосом говорит ему:

— Вот ты умный, все законы знаешь, все порядки знаешь... Ты добрый, ты—друг. Научи, что делать? Защити.

Еще что-то сказать хотел, но запрыгали губы, пропали все слова, слезы полились. Лицо застыло, потеряло жизнь. Слезы льются из запавших черных глаз, а лицо спокойно. Голова низко опущена.

Страшно сделалось купцу, жалость большая родилась в сердце.

Говорит купец:

— А очень просто... И ни черта не получают...

Поднял старик голову;

— А как, друг?

Купец по комнате похаживал, красную бороду утюжил и что-то обдумывал.

— У тебя сколько голов скота?

— Верблюдов сто, быков две тысячи, лошадей с лишним тысяча, овцам счету нет... Забыл...

Сел купец, цепочкой играет на толстом животе, на лбу пот выступил: жарко.

— А очень просто!..—крикнул он, хлопнув монгола по плечу.—слушай!—глаза пошли искрами.

Монгол рот разинул, благоговейно руки сложил: вот мудрость Божия польется из уст купца.

— Сейчас-же клади на весь свой скот мое тавро, мою мету. А на подмогу я приказчиков пошлю: к утру всё оборудуют.

— Так-как...—кивает головой монгол.

— И скажешь, что скот не твой, а мой...

— Так-так...

— А сколько у тебя товару?

— Тысяч на двести серебром.

— Скажи, что и товар не твой, а мой... Я завтра для отвода глаз и в лавку твою сяду... А ты мне вексель выдай на двести тысяч серебром.. Понял?.. Так чиновник и уедет, не солоно хлебавши, поговорка у нас, русских, такая есть... А я тебе всё потом верну... Не сомневайся...

Старик встал, опираясь на костыль, низко, низко купцу поклонился:

— Мы тебе верим... Мы тебе верим, друг Ван Ваныч...

* *
*

Прошло два дня томительных и длинных.

У стариков время быстро летит: день за днем, неделя за неделей, глядь и год прокатил.

Но эти два дня старому монголу показались вечностью.

Душа на чичу была, вся преобразенная, насто-рожившаяся до предела: словно старик переходил по тонкой жердочке через пропасть, а жердочка гнется, вот, вот обломится... Ему и по земле-то ходить горе, а тут приказано идти по тропинке зыбкой.

Жутко старику.

И началась у него новая жизнь: вышел в поле, с пастухами своими живет, свой скот, меченый тавром купца, караулит.

А купец в его лавке сидит, торговлю ведет, ждет китайского, в очках чиновника. Три хозяйских сына вроде приказчиков, тут-же в лавке, робкие, прихлопнутые горем, как капканом зайцы.

В полтретьем дне, хватъ! обломилась жердочка.

Охнул старый монгол, затрясся весь: как волк перед овцой, вырос перед ним в желтой кофте чиновник.

Я знаю, ты Раптан, из под Калгана, ты торговый человек, большой должник... Ты богатый... Суд постановил взыскать с тебя долг...

Вдруг душа монгола выпрямилась, взмахнула крыльями.

Твердым голосом сказал монгол:

— Да, я Раптан, честный монгол, старик... Я был богат... Теперь я беден, как после стрижки овца.

— Что-о-о? — грозно протянул чиновник, — а это чье стадо?

— Это стадо хозяйское, русского купца... Поди, справься... Вот тавро его, иди смотри... Весь скот его... Я служу в пастухах...

Удивился чиновник, сухие губы зло кусает, очки сорвал, опять надел, кашлянул и сердито повернулся так быстро, что шелковая коса его больнохватила старого монгола по лицу.

Потом чиновник бегал в лавку, бегал в дом к купцу Неправедному.

И ничего не получил.

Купец на славу угостил его, тремя щами, тремя кашами: рисовой кашей с маслом, рисовой кашей с миндальным молоком, рисовой кашей с черной ягодкой.

Тремя наливками поил самодельными, пахучими, прямо с погребя принесла сама хозяйка. Холодные наливки, а огоньком веселым окатили-обожгли китайское сердце. Китаец то плачет, то смеется. Ему жалко с русским купцом расстаться, уж очень он

хороший человек, жаль, жаль... Плачет китаец, разливается, очки уронил, подымать стал—упал; лопнули очки... А то хохотать начнет.

Купец с ним по монгольски прекрасно говорит, Раптана ругает:— „мошенник!“—его, купца русского, тоже нагрел этот старый плут Раптан, выдал вексель на двести тысяч серебром, а в лавке его и на сто тысяч товару нет.

Говорит так, вексель китайцу в нос сует, а сам смешливо кричит по русски жене:

—Ожарь-ка, Мавра, этой образине собачью ногу... Слопает.

Так ни с чем китаец и уехал.

Месяц прошел, другой прошел, прокатился год.

Купец все время твердит Раптану:

—Ты ему не верь: он караулит... Они, китайцы, хитрые... Подкараулит да все и отберет... Еще надо помедлить... Пока паси мое стадо, а я буду торговать...

—Это, друг, мое стадо...

—Ну ладно, там видно будет.

Но сыновья и внуки роптать начали:

Иди, проси купца... Теперь ничего, опасности нет... Поблагодари нашего друга, успокой, пусть о нас не заботится...

Надел старик свой новый синий шелковый халат, большие круглые очки надел, взял две ценных вазы, еще ларчик взял из слоновой кости, золотом и серебром его наполнил. Сына своего старшего захватил с собой.

Пошли.

И опять почудилось старому монголу, что он идет через пропасть по тонкой скользкой жердочке, а все небо закрыла желтая туча, и будто гром рокочет: „как дойдет Раптан до пропасти, гряну молнией и поражу.“

Говорит монгол сыну:

—Ох, что-то мне неможется... Возьми меня под руку—упаду.

Кой-как пришли.

Старик отдышался, и торжественно сказал купцу:

—Вот мы хотим благодарить нашего друга. Мы принесли тебе дары. Прими от нас наши дары, и да сохранил тебя Бог со всем домом твоим.

И старик упал вместе с сыном купцу в ноги.

Принял купец дары, сказал:

—Спасибо...

Хозяйка унесла дары и заперла в кованный большущий сундук с тремя замками.

—Теперь, друг, позволь тебе напомнить о моем векселе. Ты забыл. Но это ничего, у тебя дел много, забыть легко. Вот мы просим тебя, верни...

Взвилась-вздыбилась купеческая мохнатая душа... Вылупил купец глаза, вобрал в грудь воздуха побольше и, ткнув в дверь пальцем, гаркнул:

—Вон!! Вон!!.. Всё мое: и скот, и лавка!! Вексель я протестовал... Всё мое!!... Вон!!...

Часто-часто замигал старый монгол, торопливо попятился от своего друга, что-то хотел крикнуть, но видно пришел конец, взмахнул руками и грохнулся. Умер старик.

* * *

Осиротели дети и внуки Раптана.

То тот, то другой из них заходили к купцу

392117

Неправедному. Он их в дом уж не пускал, разговоры вел на крыльце.

— Мы, друг, думаем, что ты пошутил... Мы, друг, раззорились. Нам нечего есть... У нас жены, дети, у нас старая мать... Пожалей.

Но купец и не думал жалеть: сердце его твердое. Искали они правды—нет правды нигде. В суд подавали—нет в судах правды, консулу челом били—правды не нашли.

Последний край пришел: целой гурьбой, все до единого, ввалилось во двор семейство старика Раптана и подняли гам, как на отлете птицы: бабы воют, плачут ребята, мужчины стоят суровые и молча ждут.

Вышел купец.

Все зараз закричали:

— У тебя камень, а не сердце... У тебя змея в груди... Ограбил... Ограбил... Ограбил... Не уйдем отсюда... Убивай...

Купеческое сердце растаяло:

— Ну вот что, ребятушки... Мне вас жалко... Я вам работу дам... Кто помоложе, пусть мои стада пасет, жалование положу хорошее... А вы трое будете у меня вроде возчиков: мой товар в Русь повезете.

Долго монголы плакали.

* * *

А купец в благоденствии до седых волос дожил. Денег не впроорот у него. Дела идут хорошо.

Он иногда любил похвастывать:

— У меня есть тридцать верблюдов. И ежели я все свои дела прикончу, всё ^{за}обменю на серебро

—дык мне на своих верблюдах этого серебра не вывезти в Русь, не упоместить.. Вот как Бог помог мне, Царь небесный, Батюшка.

Живые мешки.

Еще недавно город Кобдо китайским был. Китайцы большую торговлю вели с монголами, большие магазины имели в Кобдо. Русские тоже торговали там.

И вдруг Монголия захотела от Китая отколоться, во всей своей воле пожить. Началась тогда великая брань: монголы стали китайцев колотить, разрушать Кобдо, жечь и грабить китайские товары.

Тяжелое настало для китайских купцов время.

К русским друзьям своим, к русским купцам обратились за помощью: купите наши товары за бесценок. Укройте нас.

Русские возрадовались.

Кровь рекой течет по улицам, дым клубится, раздаются вопли, гремят выстрелы,—ад сошел на землю.

А русским любо. Русский купец шире расправляет свой карман, черным вороном кричит, зорко высматривает падаль.

Как-то ночью, весь в слезах, весь в страхе, прибегает к русскому купцу китаец.

Пал перед ним на колени, у ног ползает, сапоги смазные целует и не может слова сказать, языка лишился.

Купец знает, в чем дело. Купец ласковый.

Это его друг, богатый китаец Чанбо, миллионщик.

Подымает его с полу, усаживает в кресло, воды принес, папироску предложил.

— Ты что, друг?..

А тот дрожит, от воды отказался, от папироски отказался, весь огнем пышет.

Как грянет на улице пушка, как привскочит до потолка китайский купец, миллионщик Чанбо:

— Ой, друг, ой, друг... Пожалуйста, пойдем ко мне. Пожалуйста, скажи, что магазин твой, что товар твой... Тебе ничего не стоит это сделать, тебе Бог поможет... Спаси, умоляю...

— Идем, — сказал купец и утер проворно набежавшую слезу.

Добрый был. Алтайцы и монголы уважали его. Истово на образ перекрестился, крикнул жене:

— Благословляй.

Молодая жена в слезы: куда ночью идет, зачем идет, убить могут, их самих могут сжечь, все разграбить...

— С нами Бог, — сказал купец и быстро вышел с китайцем Чанбо на улицу.

Жена за ними. Кричит, задыхаясь:

— Степа! Степа!... Не ходи... Пусть Чанбо у нас сидит...

— Пошла к черту, дура!.. — зло купец отвечает ей: — торчи дома, караул ребят... Нас не потрогают.

Чанбо по русски маленько понимает: взыграла душа его, на купца, как на святого, смотрит, в ноги ему бух, опять смазные сапоги целовать начал, купчихе кричит:

— Бабушка, бабушка... Пасибо...

И оба побежали дальше, а молодая жена громко заплакала.

Тьма была. Только справа стояло зарево от горевшей башни. Слышались отдельные выстрелы. Издали доносилось тысячеголосое галденье китайских солдат.

— Много ваших войск-то?—прошептал купец.

— Много,—тихо ответил китаец.

— А чья возьмет?

— Пожалуй нас перережут.

Китаец тащил купца за рукав. Во тьме наткнулись они на что-то и оба упали.

— Это наши убитые,—прошептал китаец, захныкал и что-то запричитал. А купец перекрестился. Опять пошли. Звуки крепки. В воздухе порохом пахло.

Навстречу попалась целая стая собак. Они выли, подлаивали, щелкали зубами, грызлись, невидимыми клубками катаясь по земле.

— Входи!—сказал китаец.

Они вошли в калитку глинобитной выходящей на улицу стены. Фанза китайца, склады и лавки стояли в глубине огромного двора.

Вдруг китаец остановился. Остановился и купец. Замерли. Кто-то хрипит во тьме.

Китаец ухнул, завопил:

— Зарезали... Брата зарезали...

Но нет!.. Знакомый слышится зов:

— Чанбо! Чанбо!.. Иди скорей!..

Бросился Чанбо своему юному брату на шею, а тот говорит цепенеющим от страха голосом:

— Двое врагов были... Мы с приказчиком отстреливались. Приказчика зарезали, ушли... Грозил вернуться... Я боюсь, Чанбо... Чу, как хрипит... Боюсь...

— Не бойся,— успокаивает купец,— при мне не имеют полного права тронуть...— говорит так, а сам тоже не может зуб на зуб попасть.

Все трое входят в фанзу. Огонь зажгли.

— Со мной не потрогают... Нам, русским монголы заявили: кто боится— уходи за город. Кто не боится— сиди на месте: русским никакого худа не будет.

И не успел сказать, как шум на улице послышался, загалдели люди, близко где-то затрещали выстрелы.

— Идут!!.

Заметались братья, не знают, что делать, куда укрыться.

— Полезайте на всякий случай в лавку, заройтесь в товар.

Но там одним китайцам страшно.

— Тогда айда в мешки! Мешки пустые есть?

— Есть.

Два больших мешка живо притащили, сели в них, купец прочно завязал каждый мешок и поставил в угол.

— Сидите смирно, скажу, что это мои мешки с верблюжьей шерстью. Только ни гу-гу... Не шевелись!

А чорт уже возле купца орудует. Сердце купеческое своим хвостом щекочет.

— Нет, нет...— зло отмахивается купец от навождения и крестится.

Рев всё ближе. Рядом. Отдельные выкрики ясно слышатся.

Купец выбегает с фонарем на крыльцо:

— Эй, что надо?!— кричит ворвавшимся во двор монголам.

Тех много. Факелы в руках. Возбужденные, в зверей обратившиеся, пьяные кровью, бегут шумной ватагой к крыльцу.

— Что надо!? Стой!!—нарочно по-русски кричит купец.

Бегут к крыльцу, галдят, сверкают большими ножами, ружья наготове, дубины подняты.

— Ты русский?!—крикнул один из них, подбежав вплотную.

— А ты не видишь?—по-монгольски строго говорит купец. Растаял в сердце страх!

— Не видим... Темно... Где Чанбо?

— Нету.

— Врешь!

— Нет, не вру!!!—ревет купец...—Товар не смей поджигать: мой товар. Всё купил я!.. Русский!.. Я!!!

Остановились.

— А то казаков своих позову!.. Русских!.. Солдат!..

— Мы тебя не тронем!.. Товар твой не тронем.. Мы китайцев режем!.. У нас война!.. Где Чанбо с братом?..

И хлынули в дом.

Купец за ними. Толпа пьяна кровью,—купец пьянеть начал. Толпа звериных дел жаждет,—звереет сердце купца.

«Убей»... чорт купцу шепчет... «Всё твое будет».

Купец молчит, тяжело дышит, в борьбе с собой зубами скрипит. Лоб холодным потом покрылся, замирает сердце, щеки огнем взнялись.

Толпа по закоулкам шнырит, в сундуки заглядывает, а на мешки внимания не обращает.

«Всё твое»... чорт купцу нашептывает.

— Мое!

Не то крик вырвался, не то зарницей мысль стегнула в ошалелой голове купца.

«Война всё простит, всё покроет», — змеиное шипенье разрывает слух.

Черный свой голос, задыхаясь, подает купец, приговоренных к смерти друзей своих, китайцев успокоить хочет. Пусть, умирая, думают, что друг их, русский, грудью стоял за них.

Купец сказал:

— Чанбо нет, брата его нет... Слышите?!

Обомлевшие китайцы, едва дыша, Богу молятся, русского друга прославляют мыслью и радуются последней своею страшной радостью.

Черным голосом повторил купец:

— Слышите?! Чанбо нет, брата его нет: они далеко убежали...

А сам мигнул монголам и предал китайцев твердым жестом недрогнувшей руки.

Два кривых ножа сверкнули, два ножа кровью обагрились. Отлетела с жалобой древняя китайская душа.

А купец?

Купец всю эту ночь, как ушли монголы, на верблюдах китайский товар к себе возил. Весь следующий день возил. Всю неделю возил.

Он молчал, ни с кем не говорил, только рукой указывал. Как кончил с товаром, пить стал.

V.

Гнус.

Был купец, по прозвищу Гнус. Он прежде, говорят, другим делом занимался. Но видно судьбе за-

хотелось в сторону вильнуть, на другое место поставить человека. Стал Гнус купцом.

Лицом курносый, борода лопатой, глаза яблоками, на лоб вылезали, наглые. Корпусом толст, голос зычен: как гаркнет в поле—лошади шарахались в сторону.

А удадь была в нем степная, дикая: скакать-бы ему на бешеном коне по полю, глушить-бы проезжих с товарами ямщиков, чиновников, купцов.

Да так оно и было на самом деле.

Ведь, чорт его знает! Ведь горы золота нажил человек, а любил, бывало, пошалить темной ночью, с лихими киргизами, друзьями своими, побарантачить. Видно кровь в сердце кипучая была.

Подобрал себе шайку отпетых—от них и киргизы-то отказались—и стал с ними по горам гулять.

Удали через край в Гнусе, а скупость сказочная.

Деньгу любил ужасно, настоящий Кащей.

За примером ходить не далеко.

Приказчик у него много лет служил, а жалованье не забирал:

— У тебя, хозяин, оно сохраннее будет...

Видит Гнус: накопил приказчик денег изрядно, жаль будет выплачивать.

И придумал Гнус штуку.

Призвал знакомого киргиза, друга и говорит:

— Укради-ка из моей кладовой, что приказчику на отчет сдано, тюков двадцать верблюжьей шерсти, да ко мне в амбар перевези.

Удивился киргиз. Однако выбрал потемней ночь праздничную, когда приказчик гулял где-то на пирושке, да с товарищами и очистили кладовую.

Взвыл приказчик, во все концы искать бросил-ся, но разве сыщешь?

Гнус освирепел, выгнал его без расчета на улицу.

Но это еще не беда. Это обида малая.

Были дела и почище.

Чуя, священная река. Перейдет за реку корова—она Божья, алтаец или монгол не берет ее обратно.

Стадо переберется где-нибудь бродом—Божье стадо.

Гнус со своими, молодцами, с лихой шайкой, как прониухал это—стал целыми, табунами перегонять лошадей и коров за реку!

Алтайцы плакали—лишались скота, а Гнус радовался: скот ничей, Божий, значит его.

Так и копил богатства.

Несколько лавок у него было. Весь округ был должен ему.

Долги собирал он натурою: возьмет у калмыка телят двадцать за долг, за какиенибудь двадцать кирпичей чаю, по рублю кирпич, да и скажет ему:

— Ты, друг, оставь телят-то у себя. Где их буду пасти, у меня земли нету.

Оставит калмык. Пасет их и год, и другой, и третий. А потерять или продать—не смеет: телята все купеческим, Гнуса, клеймом мечены.

На третий год присылает Гнус подручного и берет своих трехлетних быков.

А калмык по простоте душевной думает:

— Всё верно, всё так... Теленком был, Бог растил—бык стал...

Как-то монгол задолжал Гнусу целковый. Хорошую у него трубку купил. Монголу без трубки нельзя, как красавице без румян. Бедный монгол, немущий.

Гнус сказал:

— Вернешь мне через год за целковый пять шкур сурка: процент на тебя накладываю.

Монгол с процентом очень хорошо знаком: монголы русскими обучены, процент вот где у них сидит; ради процента, чтоб его шайтан съел, все они, и бедные, и средние, по горло в долгах, в кабале вечной.

И случилось так, что у монгола не оказалось к концу года лишних шкур: на сторону продал, повинности справил, семью кормил в голодный год. Уплатил всего две шкуры.

— На будущий год уплатишь мне две овцы и три шкуры. Процент накладываю.

Монгол отлично понимает, что такое процент, тяжело вздохнул монгол, но делать нечего.

Вот и второй год кончается. Дела еще хуже идут. Одну овцу притащил.

— Теперь ты будешь должен мне годовалого бычка и пять овец. Теперь все дорого, доставка дорогая. Большой процент накладываю.

До пяти быков дошло дело, до пяти верблюдов. А каждый верблюд сотню рублей стоит.

И век-бы сидеть в неоплатных долгах монголу, да догадался, умер. Процент сгубил молодца.

А и всего-то трубку купил, вещь малую.

Но были случаи и почернее.

* * *
Лихие молодцы киргизы. Но и Гнус охулки на руку не положит.

Завел себе весь наряд киргизский, малахай бархатный с лисьей выпушкой сделал, чатпор березовый вырезал—такую палку с корневищем на конце, трахнешь по голове—череп как арбуз спелый разле-

тается! А конь у Гнуса—чорту брат: ветер ни по чем ему, что ветер! Стрелу певучую обогнать может.

Гнус атаманом стал.

И никто об этом и не догадывался. Только ночь темная, да широкая степь, да горы знали. Да еще те, несчастные... Но те слова не вымолвят, немую жалобу с собой унесли в землю.

Надумал Гнус караван с серебром ободрать: серебра в Монголию идет много, в слитках, серебро там ценится.

Правда, это давно было, лишь старики помнят. Издалека начал выслеживать Гнус, за границу проводил, в Монголию. Там степь, жилья нету, кричи сколько хочешь, плачь, умоляй—степь всё выслушает скорбно, но защиты не даст.

Идет караван степью и не чует беды. А беда по пятам крадется, жметя у гор, серая, как серый щебень-курум.

Идет караван ходко, но и солнце не дремлет, книзу катится, вот-вот сядет за сизые хребты. Караван торопится: в степи воды мало, надо у речки ночевать, а до речки добрых десять верст.

Как пал сумрак, говор речки послышался. И люди, и лошади обрадовались: отдых.

Не успели еще коней выпрячь—вихрем налетела шайка... Арканы в ход пошли, руки ямщикам вязать начали, конвойных смяли, много-ли их, всего три человека. Один сопротивляться стал...

И быть-бы злу великому, но кто-то помешал: то-ли казаки из Кобдо в Кош-Агач почту везли, то-ли знакомый купец ехал,—гикнул Гнус, и вся его ватага умчалась в горы.

— Сорвалось,—сердито думает Гнус, губы себе в кровь искусал, коня взмылил и долго, ругаясь,

грозил кулаком золотому огоньку, что робко замигал у речки.

Этим дело не кончилось. Начальство узнало, кликнуло клич.

— Ребята! Кто желает разбойников ловить. Кто хочет получить награду? Шаг вперед!

Выискались двадцать пять казаков, двадцать пять отпетых голов.

Снарядились, поехали чуть свет в путь-дорогу с казацкой песней, с бубнами.

Лихо кони мчат, лихо скачут: степь ровная, с гор прохладой веет.

Скоро караван встретили, назад идет: надо конвой усилить, да оборону взять, а то беда.

— Где разбойники?—старший казак спрашивает.

— А кто их знает,—отвечают люди,—эвона они как сиганули, только пыль завилась столбом...

К горам поехали казаки, в балку заглянули—пусто, в долину речки заглянули—нет следов, дальше поехали, песни не поются, смолкли бубны. Тихо едут, слова не проронят: как-бы не спугнуть врага.

Вот и дню конец, а казаки еще и привала не делали, утомились, по сухарям соскучились, лошади похрапывают, корму просят.

Остановились на ночлег.

Гроза надвигалась. Сумрак наполнил степь, скрыл горы. Вдали безмолвно играла молния: вспыхнет там, где-то за хребтами, потрепещется над вдруг всплывшими из мрака вершинами и тихо погаснет.

— Дождь будет,—сказали казаки и быстро палатки раскинули.

— Гроза идет,—сказали казаки, поужинали, чаю кирпичного напились и завалились спать.

Гроза надвигалась.

Две грозы надвигались на казаков. Светлая гроза, с молнией и ливнем. Черная гроза—Гнус, душа коварная.

Карауль, сторожевой казак, карауль!.. Черная гроза—опасная.

Сторожевой казак Петр Байкалов боится небесной грозы, его громом в детстве еще оглушило. Стоит Байкалов, молитву шепчет, винтовку дрожащею рукою поглаживает, собирается старшего будить. А старший злой: Байкалов и его боится, и грозы боится, не знает, как быть.

Гроза надвигается быстро, ветерок впереди ее идет, разметает степную дорогу, вольную.

Байкалов к самой палатке подошел, а войти не смеет. На небо опасно смотрит, как-бы оттуда стрелой громучей не пустили. Небо огнем кроется, вздрагивает казак, крестится:

— Свят, свят, свят.

Гром глухо стучит и рассыпается по горам горохом.

Тьма. Ветер травой шуршит, ветер палатку треплет, стал накрапывать дождь.

Тьма густая, предательская. И ничего-то в ней не видать, ничего-то в ней не слышать: лишь сухая трава шуршит.

Эй, смотри, казак!.. Как блеснет молния—смотри.

Товарищи храпят, пуще всех старший храпит и что-то во сне бормочет.

И чует казак: две грозы идут; вторую, черную, сердцем чувствует, защемило сердце тоской...

Крестится казак:

— Господи, спаси... Чего-то чижало...

В небе молния золотой веревочкой с краю в край стегнула, засияла степь, гром ударил близко...

Байкалов проворно залез в палатку и с головой шинелью закрылся.

Эх, казак, казак...

Шорохи по степи ползут, много шорохов...

То не дождь-ли льет-поливает, не град-ли барабанит по земле?

Нет, не дождь... Нет, не град... Черная гроза приближается.

Шорохи крепче, шорохи сильней. Это смерть по равнине хлещет.

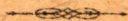
Две грозы грянули враз над казаками: гроза огненная грохотом всё заполнила...

А черная гроза с лешевым гиком и посвистом мертвой лавой пронеслась: три тысячи бешеных коней во весь опор проскакали по спящим казацким телам.

Одну слякоть оставил от казаков Гнус, душа звериная.

* * *

Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крутому склону, вся седая, вся косматая, яро камни точит, грозит своим гневом человеку. Стой, Чуя, стой!.. Глади: восход стал розовым... Глади: светлый царь из-за гор встает в золотой порфире... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще немного—и твои волны запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. Да не повторится прошлое, да не затмит оно грядущего дня. Эй, останови, Чуя, гнев свой, не точи яро камни, не кляни падших... Милости, Чуя, священная река, больше милости!

Баньяло проводю влез в пазыку и с толовой
 шиньяло эжрылся
 Эх-казяк казяк...
 Шорохи по степи ползут много шорохов...
 То не дождь-ли лет-поливает, не град-ли да-
 рьяный по земле?
 Нет не дождь... Нет не град... Гривая грозь
 прииджыт
 Шорохи кепче шорохи слышней. Это смерд
 по равнине хлещет.
 Да в грозы грядут везь дзы казякыя грозы ой-
 ненная прохотом все затопляя
 А первая гроза с казыем тучом к раскостом
 мертвою волью пронеслася: туча туча ошпыря ко-
 ней во все стороны просякая по сплуну казякыя
 тучам.
 Ону сыкыть оставя от казяков тучу дучу
 збрывае

Далеко стелются по Аляску
 ка... Трудит по крутому склону, все седя, вся кос-
 мата, все камин тонит, провет своим тучом небо
 веку. Стоя. Туча стой. Туча восток стал дозором
 Туча светлый гора на за гор встает в золотой пор-
 фире. День идет как мед, ноу конидасе. Еще
 немного — и туча вониз заплетт вине песен и буйд
 сразивать новые брызг, светить и радостные да не
 повторится проиде да не эстит оно тучу да не
 да. Эи останови туча туча, не туча про кам-
 на не камин пачих... Миностн туча свашенная ре-
 ка допине миностн!

НА
1918
ГОД

ГОД
7-й
издания

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
(50 номеров в год)

Алтайский Крестьянин

издаваемый Кооперативными Союзами
Алтайского края.

Являясь органом Культурно-Просветительного Отдела Алтайских Кооперативов, журнал дает место на своих страницах материалу по вопросам политической жизни страны, кооперативным, сельскохозяйственным и культурно-просветительным, а по мере возможности, и изящной литературе; в сообщениях с мест освещается подробно ход кооперативной и культурно-просветительной деятельности в среде алтайского крестьянства, а также и в иных местах Сибири и России.

— В 1918 г. журнал будет издаваться по новому, упрощенному правописанию. —

Подписная цена.

На год . . . . 10 р. — к.

На $\frac{1}{2}$ года . . . 5 р. — к.

На 1 месяц . . . — р. 85 к.

За отдел. ном. — р. 20 к.

Рассрочка-подписной платы не допускается.

Кооперативы и их союзы, выписывающие сразу по многу экземпляров, пользуются скидкой: при выписке одновременно от 11 до 30 экземпляров—5 процентов скидки, от 31 до 50 экземпляров—10 процентов, от 51 до 100 экземпляров—15 процентов, свыше 100 экземпляров—20 процентов.

Печатание платных объявлений воспрещено Барнаульским военно-революционным комитетом под страхом конфискации имущества и тюремного заключения.

Прием подписки и объявлений

производится в конторе редакции журнала.

Подписку можно направлять также через все кооперативные союзы Сибири.

Редакция и контора журнала

помещается в г. Барнауле, Томская ул., № 86.

Заведывающий редакцией принимает для личных объяснений по понедельникам, вторникам и средам, от 12 до 2 час. дня.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ Алтайских Кооперативов

издает произведения сибирских писателей, а также произведения российских писателей, изображающие Сибирь, под общим названием:

Библиотека „СИБИРСКИЙ РАССВЕТ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ

- № 1. Георгий Гребенщиков . . . — «В полях» — . . . цена 30 к.
№ 2. Александр Новоселов . . . — «Саянский Марал» — » 20 к.
№ 3. Вяч. Шишков . . . . . — «Чуйские были». — » 30 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 4:

Ст. Исаков . . . . . — «Там, в горных долинах».

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Вяч. Шишков . . . . . — «Помолились»
» . . . . . — «Оборотень»
Георгий Гребенщиков . . . . . — «В тиши степей».
» . . . . . — «Волчья жизнь».
» . . . . . — «Змей горыныч»
Александр Новоселов . . . . . — «Жабья жизнь».
Арс. Жиляков . . . . . — «В тихих лесах».
Арт. Ершов (Артем.) . . . . . — «В поисках родины».
И. Гольдберг . . . . . — «Большая смерть».
» . . . . . — «Олень».
« . . . . . — «Последняя смерть».
Ф. Филимонов . . . . . — Стихи.
П. Казанский . . . . . — «Родному краю» (стихи).
» . . . . . — «Алтайские легенды».
«Хан-Алтай» — сборник стихотв. разных авторов.

Предполагаются к изданию рассказы и стихотворения как перечисленных, так и других сибирских и российских авторов.

Размер каждой брошюры, приблизительно, 16—32 страницы

Склад издательства — в г. Барнауле, Алтайской
губ., Томская ул., д. № 8б.

Упаковка и пересылка — за счет покупателей.

Книжные магазины, кооперативы и общественные организации, выписывающие не менее 10 экземпляров одного названия, пользуются скидкой в размере 20%.

Все брошюры издаются по новому правописанию.